

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 975-985
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.975

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Confessional Dimension of the Resettlement Policy of the Autocracy in the Kazakh Region at the beginning of the 20th century: the Fight against Sectarian Proselytism

Galya A. Alpyspaeva ^{a, *}, Gulmira Sametova ^b, Lazzat T. Jumaliyeva ^a

^aSaken Seifullin Kazakh Agrotechnical University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

^bA. Baitursynov Kostanay Regional University, Kostanay, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article deals with insufficiently studied confessional aspect of the resettlement policy of the autocracy in the Kazakh region at the beginning of the 20th century - the fight against sectarian proselytism. The authors used the materials from the funds of the RGIA and the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan, reviews of the regions of the Kazakh Territory, periodicals of the Omsk and Turkestan Diocesan Committees, in which jurisdiction were the regions within the territory of modern Kazakhstan. Based on the results of the study, it was possible to determine that the poly-confessional composition of the population of the region, formed as a result of the peasant migration, included various ethnic groups, isolated on religious grounds. Interethnic contacts were not limited by the processes of economic interaction, but often acquired forms of religious acculturation. With the issuance of the Decree of April 17, 1905 "On strengthening the principles of religious tolerance", the religious movement in the region revived, there was an increase in sectarian proselytism against the backdrop of a weakening of the Orthodox religiosity of the settlers. In this situation, the clergy feared the conversion of the Orthodox to other faiths, the fall of the authority of the Russian Orthodox Church and autocracy. The unification of the efforts of the spiritual and secular authorities was an important condition for confronting the sectarians, who often used aggressive forms of propaganda of their dogma. With the support of secular authorities, the church used various methods to counter sectarian proselytism, including those borrowed from sectarians. They were not always effective due to the small number of anti-sectarian missionaries in the region and the lack of experience among the clergy in conducting anti-sectarian propaganda.

Keywords: confessions, sectarians, proselytism, clergy, religious composition, anti-sectarian mission, Russian Orthodox Church.

1. Введение

Обострение крестьянского вопроса в ходе русской революции 1905–1907 гг. обусловило начало нового этапа переселенческой политики самодержавия на земли за Уралом, в том числе на территорию современного Казахстана. Для правительства одной из важнейших задач переселения была не только земельная и хозяйственная обустроенность крестьян на новых землях, но и создание условий для удовлетворения духовных потребностей переселенцев, поскольку от ее решения зависела приживаемость переселенцев. Этим озабочена была и православная церковь, распространявшая свое влияние на присоединенных землях и позиционировавшая себя как выражение власти самодержавия на окраинах империи. С выходом Указа от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» активизировалось сектантское движение на окраинах империи, что вызывало обеспокоенность светской власти и церковных деятелей. Борьба против сектантского прозелитизма в крае становится

* Corresponding author

E-mail addresses: galpyspaeva@mail.ru (G.A. Alpyspaeva), sametova_gulmira@mail.ru (G. Sametova), lazzat-69@mail.ru (L.T. Jumaliyeva)

важным направлением миссионерской деятельности Русской православной церкви. Задача данного исследования в рамках статьи – изучить особенности сектантского движения и показать сложности борьбы православной церкви с сектантским прозелитизмом в Казахском крае, что позволит приблизиться к пониманию того, каким образом выстраивались отношения официальной власти и православной церкви с инославными вероисповеданиями.

2. Материалы и методы

Работа выполнена на основе изучения комплекса источников, включающих архивные документы из фондов РГИА и Центрального государственного архива Республики Казахстан (далее – ЦГА РК), материалы обзоров областей Казахского края начала XX века, источники личного происхождения и тексты печатных изданий Епархиальных комитетов: Омских епархиальных ведомостей (ОЕВ) и Туркестанских епархиальных ведомостей (ТЕВ). Издания отличаются жанровым разнообразием и богатством фактологического материала, на их страницах публиковались правительственные распоряжения по духовному ведомству, резолюции, постановления и отчеты Епархиальных комитетов, обзорные и аналитические статьи священнослужителей, рапорты и отчеты миссионеров о проведенных беседах с верующими. Материалы изданий весьма информативны, позволяют выявить масштабы распространения сектантского прозелитизма и принимаемые меры противодействия ему, поскольку миссионеры хорошо знали проблему. Отдельные номера содержат статистические материалы учета населения по вероисповеданию, сведения о количестве храмов и молитвенных домов.

Наиболее систематизированными источниками по истории региона, потенциал которых в части изучения нашей проблемы еще не раскрыт, являются обзоры степных областей (Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской) и Туркестанского края (Сырдарьинской и Семиреченской). Кроме статистических данных по вероисповедному составу населения, они содержат материалы о характере и содержании миссионерской деятельности Православной церкви в регионах. Изучены источники личного происхождения, работы и дневники исследователей и путешественников, в которых затрагиваются религиозные аспекты переселенческой политики. В частности, работы статистика А.А. Кауфмана (Кауфман, 1905: 349; 1906: 37), путевые записки географа и путешественника В.П. Воцинина, автора трудов по вопросам переселения (Воцинин, 1914: 86).

Исследование проведено с опорой на теорию модернизации, применимую при изучении истории государственно-конфессиональных отношений. Данная парадигма позволяет осмыслить проблемы религиозной аккультурации в контексте эволюционных процессов в обществе. Применение принципов объективности, детерминизма, системности и историзма дало возможность осуществить критический анализ изучаемых процессов в динамике, целостности и во взаимосвязи. В работе с источниками и текстами использовались общенаучные методы исследования: анализ и синтез, обобщение. Специальные исторические методы – историко-системный и проблемно-хронологический – позволили сформулировать авторский взгляд на взаимоотношения светской власти и церковных деятелей с сектантскими общинами. Сравнительно-исторический метод применялся при сопоставлении общего и частного в конфессиональных процессах.

3. Обсуждение

В современном историографическом дискурсе конфессиональной составляющей переселенческой политики самодержавия следует отметить работу М.В. Стуровой, в которой проблема обсуждается в плоскости общих вопросов политики самодержавия на окраинах империи. Автор рассматривает конфессиональный аспект политики через призму стратегии интеграции и управления национальными окраинами Российской империи и приходит к выводу, что именно «с помощью конфессиональной доминанты образовательной интеграции осуществлялось воздействие на область национального ядра и восстанавливалась вероисповедная общность переселенцев с государствообразующим этносом Российской империи» (Стурова, 2014: 213). Региональный дискурс религиозной составляющей переселенческой политики государства на калмыцких землях рассматривает С.С. Белоусов, резюмируя, что главным было содействие государства Русской православной церкви в формировании церковно-приходской системы для обслуживания духовных потребностей крестьян-переселенцев (Белоусов, 2021: 50-62).

Непосредственно вопросам истории взаимоотношений Русской православной церкви со старообрядчеством и сектантством в Казахстане во второй половине XIX – начале XX вв. посвящено исследование Ю.А. Лысенко (Лысенко, 2010: 138-145). Характеризуя отношения как жесткие, автор считает, что церковь использовала весь доступный арсенал методов и средств борьбы со старообрядчеством и сектантством. Главным содержанием борьбы стала организация миссионерства среди раскольников и религиозно-нравственная пропаганда среди православных жителей с целью пресечения их переходов в раскол и сектантство. Исследователь И. Волков, анализируя этноконфессиональные отношения в дореволюционном Туркестане, отмечает дифференцированное отношение Русской православной церкви к сектантам: все зависело от того, занимались ли они прозелитизмом (Волков, 2016: 5-15). Вопросы и проблемы деятельности православных миссионеров

Туркестанской епархии среди старообрядческого и сектантского населения края в начале XX в. рассматривают казахстанские авторы (Алпыспаева и др., 2021: 59-62).

Вызывает интерес статья авторов А.Е. Лебеда и Н.А. Шевченко, в которой дан историографический обзор изучения проблемы раскольников и сектантства в Российской империи в дореволюционный период (Lebid, Shevchenko, 2021: 1211-1224). Представленная авторами классификация всех существовавших на территории Российского государства сект приближает нас к пониманию актуальности и остроты проблемы сектантского прозелитизма на окраинах империи, куда в ходе переселенческой политики самодержавия направлялись люди разных вероисповеданий.

4. Результаты

Следствием крестьянского переселения в Казахский край стал пестрый конфессиональный состав населения. «Кого только нет в здешних селениях: великороссы и мордва с Поволжья, малороссы из Воронежской, Харьковской и Полтавской губерний и Новороссии, сибиряки и всякий иной люд, сошедшиеся с разных концов России и только случайно здесь рядом осевшие», – писал В.П. Воцинин (Воцинин, 1914: 43). Изменилась конфессиональная структура населения региона: в начале XX в. число православных в крае увеличилось почти в три раза: с 641 632 чел. в 1897 г. до 1 865 968 чел. в 1911 году. Изменился удельный вес православных ко всему населению – с 8,3 % до 18,7 %. Наиболее заметное увеличение наблюдалось в степных областях Казахского края. В Акмолинской области в 1897 г. проживало 232 401 чел., или 34,1 % всего населения области, а в 1911 г. – 831 899 чел., или 57,6 %; православные из меньшинства превратились в большинство. В Тургайской области число православных увеличилось в 6 раз: в 1897 г. 37 193 чел., или 8,2 % всего населения области, в 1911 г. – 227 704 чел., или 32,0 %. В других областях произошло увеличение более чем в два раза: в Уральской области с 107 587 чел. в 1897 г. до 231 460 чел. в 1911 г., в Семипалатинской области с 67 620 чел. до 183 490 чел., в Семиреченской – с 96 741 до 199 455 человек. В Сырдарьинской области численность православных увеличилась в два раза, тем не менее они составляли всего 5,4 % населения области (Азиатская Россия, 1914: 235).

В конфессиональной структуре края произошло изменение численности и удельного веса мусульманского населения: в 1897 г. в Средней Азии и Казахстане проживало 6 996 654 мусульман, а к началу 1911 г. – 8 223 982 чел. Несмотря на абсолютный прирост, фиксируется уменьшение удельного веса мусульман с 90,3 % до 79,6 %, что стало следствием притока крестьян-переселенцев. Наиболее заметное уменьшение отмечено в Тургайской области – с 91,7 % до 65,8 %. В Акмолинской области с – 64,3 % до 38,1 %, в Семипалатинской – с 89,8 % до 80,8 %, в Семиреченской области – с 90,1 % до 83,3 % (Азиатская Россия, 1914: 235).

Кроме православных и мусульман, в крае проживали последователи римско-католического и евангелическо-лютеранского вероисповеданий. Наибольшее число их расселилось в Акмолинской области – 22 332 католика и 26 390 лютеран в лице латышей, эстонцев и немцев (Обзор Акмолинской области, 1917: 72). В Тургайской области проживали 9 313 католиков и 10 251 лютеранин. География их расселения ограничивалась г. Кустанаем, Кустанайским и Актюбинским уездами (Обзор Тургайской области, 1916: 9-10). В Семипалатинской области обосновались 897 католиков и 5981 протестант (Обзор Семипалатинской области, 1913: 139). В Сырдарьинской области в 1913 г. зафиксировано было 5 449 чел. римско-католического вероисповедания, 2 031 чел. протестантского (Обзор Сыр-Дарьинской области, 1916: 173). В Уральской области верующих римско-католического и евангелическо-лютеранского направления было немного (Обзор Уральской области, 1916: 119).

В казахских областях отмечены были все разновидности сектантства: «В киргизской степи, в которой живет сельское пришлое население края, богатая почва для процветания всевозможных сект» (ОЕВ, 1910: 9). Преобладали сектанты рационалистического направления и раскольники-старообрядцы. Переселяясь в отдаленные края, сектанты надеялись обустроиться на новых землях и получить определенную свободу вероисповедания вдали от центра.

Численность и расселение сектантов по областям края в период с 1913 по 1915 гг. представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Расселение сектантов в областях Казахстана (1913–1915 гг.)

Наименование области	Разновидности сектантства (чел.)						
	баптисты	адвентисты	меннониты	иеговисты жидовствующие	молокане	духоборы	раскольники-старообрядцы
Акмолинская	8 088	303	355	-	5 042	-	4 501

Семипалатинская	1 261	119	411	-	-	-	5 458
Сырдарьинская	415	160	1 037	20	582	-	2 543
Семиреченская	124	78	-	-	130	-	500
Тургайская	2 176	284	-	136	2 720		2 917
Уральская	-	-	-	-	698		82 853

Таблица составлена на основе источников: [Обзор Акмолинской области, 1917: 72](#); [Обзор Тургайской области 1916: 9-10](#); [Обзор Семипалатинской области, 1913: 139](#); [Обзор Уральской области, 1916: 119](#); [Туркестанские епархиальные ведомости, 1913а: 415](#).

По численности сектантов лидировала Акмолинская область. Разнообразием сектантских общин отличалась Сырдарьинская область; продвижению сектантов в регион способствовало наличие железной дороги. Незначительное число в Семиреченской области обусловлено удаленностью региона. Практически во всех казахских областях преобладали раскольники-старообрядцы, но больше всего их расселилось в Уральской области. Широко распространился баптизм, причем как в русских, так и казахских уездах. Баптистское движение в крае развивалось в связи с колонизацией региона немцами из Уфимской, Екатеринославской, Могилевской, Херсонской губерний и области Войска Донского ([ЦГА РК. Ф. 15. Оп.1. Д. 452. Л. 44, 61](#)).

Установить точное количество сектантов в крае не представляется возможным. По признанию миссионеров, «ежегодно переселенческий поток несет с собою все новые и новые массы штундо-баптистов». Численность сектантов росла и постоянно менялась еще и потому, что они часто вели пропаганду своего вероучения тайно, а «...совращенные долгое время скрываются, пока в сектантство не перейдут несколько семейств... Нередко приходские настоятели не знают, что среди их прихожан появились сектанты» ([ОЕВ, 1910а: 12](#)). Сведения администрации края и православных миссионеров о переходах крестьян-переселенцев в сектантство существенно разнятся. По данным светских властей, переходов в сектантство было немного. «За последние пять лет было весьма ничтожное число случаев совращения православных в баптистов», – писали уездные чиновники в ноябре 1916 г. в рапорте губернатору Семипалатинской области ([ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 452. Л. 61](#)). В отчетах противосектантских миссионеров предстает обратная картина: «Массовых уклонений в штундо-баптизм было много, особенно в Тюкалинском уезде» ([ОЕВ, 1910а: 12](#)). О росте сектантства свидетельствует секретное циркулярное распоряжение МВД военному губернатору Семиреченской области от 3 ноября 1909 г., в котором центральные власти выражали беспокойство ростом старообрядчества и сектантства в крае, просили срочно собрать и доставить в Министерство сведения о характере сектантского движения ([ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 3291. Л. 5](#)).

Местные светские власти относились к сектантам лояльно: их привлекала хозяйственная расчетливость и самостоятельность сектантов. В отличие от крестьян, полагавшихся на помощь правительства, сектанты относились к категории переселенцев, «которые надеялись только на Бога и самого себя» (Кауфман, 1906: 18). Селившись отдельными колониями, они создавали крепкие хозяйства, приспособленные к местным природно-экологическим условиям. К примеру, колонии меннонитов в Аулие-Атинском уезде внесли заметный вклад в модернизацию хозяйства уезда и региона в целом: усовершенствовали земледельческие орудия и способы обработки земли, с выгодой утилизировали плодородное земледелие, впервые культивировали в местных условиях красный картофель, вывели хороший приплод голландских бычков и телок. Религиозный консерватизм меннонитов не противоречил их стремлению к техническому прогрессу: «Все без исключения владеют прочными фургонами на железном ходу, с дышловою парной запряжкой, дающих экономную лошадиную силу, имеют ручные мукомольные мельницы, механические маслобойни». Правительство поощряло предприимчивость, к примеру, меннониты Аулие-Атинского уезда получили ссуду в 3 000 руб. на устройство школы и общественной мельницы ([Обзор Сыр-Дарьинской области, 1987: 70, 171](#)). Православные миссионеры писали, что сектанты в большинстве своем «люди все зажиточные, трезвого и честного поведения, в материальном отношении живут много лучше православных, среди них встречаются крупные богачи и капиталисты» ([ТЕВ, 1909а: 259](#)). Между сектантами существовало самое тесное и живое общение: богатые промышленники и предприниматели привлекали на службу «своих по вере», «бедных братьев поддерживали и деньгами, и хлебом» ([РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2287. Л. 270б.-300б.](#)). Старшие братья и рядовые проповедники посещали отдаленные поселки, сообщали новости сектантского мира. В крупных поселениях выписывали сектантские журналы: «Духовный христианин», «Христианин», «Баптист».

Однако чиновники считали, что «как колонизационный элемент на здешней окраине, они мало надежны», имея в виду лояльность сектантов царскому престолу. Власти рассчитывали в лице переселенцев видеть преданных отечеству жителей окраин империи, способных переносить и закреплять на осваиваемых землях русскую культуру и менталитет. Но не все сектанты отличались такими качествами. Подтверждением тому служит история миграций меннонитов. Как известно, они принадлежали к секте, основанной в XVI в. Менном в Нидерландах, в Россию мигрировали из Тироля и расселились в южных губерниях империи. Один из догматов их учения состоял в отрицании

войны. С введением в 1876 году в Российской империи общей воинской повинности они отказались подчиниться закону. Правительство предоставило им льготы, освободив от строевой службы и ношения оружия, но, несмотря на это, меннониты массами мигрировали в Америку. Климат и общественный строй в странах Нового Света не удовлетворял сектантов, и через год они вернулись в Россию, но лишились прежних льгот. В 1879 г. 500 семей меннонитов направились в Туркестанский край, рассчитывая воспользоваться льготами по воинской повинности, но, не получив их, направились в Бухару. Эмир Музаффар отказал в приеме, ссылаясь на отсутствие свободных земель и незнание меннонитами местного языка. Но главная причина отказа бухарцев состояла в религиозных воззрениях меннонитов – «женщины не прикрывают лица, и подадут в этом отношении дурной пример мусульманкам» (*Обзор Сыр-Дарьинской области, 1887: 81*). После неудачной попытки обосноваться в Бухарском ханстве меннониты с разрешения царского правительства «завели отношения с хивинским ханом», который принял их в свои владения. Часть сектантов поселилась близ Хивы, часть осталась в Аулие-Атинском уезде Сырдарьинской области. Так, в 1882 г. в уезде появилась первая колония-поселение меннонитов, состоявшая из 75 семей, владеющих 1 744 десятинами земли. Но уже к концу года в уезде в 4 колониях проживало 540 семей (*Обзор Сыр-Дарьинской области, 1887: 79*).

Задачами переселения было хозяйственное освоение региона и закрепление переселенцев на новых землях. В этом сектанты существенно превосходили православных крестьян, демонстрируя способность ужиться с инородческим населением, вживаться в малознакомую этноконфессиональную и социокультурную среду. Устойчивость к культурной ассимиляции в иной этнической среде отличала сектантов от православного крестьянства. В большей мере это характерно для духоборов и старообрядцев-раскольников, и в этом смысле они вселили надежду как «колониционный элемент».

Отношение местного мусульманского населения к сектантам можно характеризовать как нейтральное. Для мусульман прозелитизм сектантов не представлял угрозы по причине их подавляющего большинства. Имело место хозяйственное сотрудничество мусульман с сектантскими общинами баптистов, молокан, штундистов, «хлыстов», «шелопутов» (*Волков, 2016: 11*). В. Воцинин отмечал такую особенность взаимоотношений переселенцев с местным населением: «Эта этнографическая пестрота населения... вызывает известные трения; но, основанные обычно на разных привычках к хозяйствованию, эти трения здесь даже не бесполезны..., разность навыков мало-помалу сглаживается и, благодаря именно разностороннему коллективному опыту, скорее достигается усвоение местной культуры» (*Воцинин, 1914: 44*).

Православное переселенческое крестьянство относилось к сектантам настороженно. Отмечены случаи обращения переселенцев к местной администрации с просьбой оградить их от назойливых сектантов. Жители Тургайской области просили губернатора «не допускать переселяться молоканам между православными», называли их «неблагонадежным и вредным элементом» и опасались «дурного влияния на своих детей со стороны последних». Переселенцы Давыденковского и Александровского поселков просили «выдворить из среды молоканской секты обывателей, успевших получить душевой надел земли в поселках и распространяющих свое вредное сектантское учение» (*ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2761. Л. 17, 28*).

Православное духовенство рассматривало сектантство как фактор дестабилизирующий, подрывающий авторитет Церкви и колониальной администрации. Причина заключалась в том, что сектанты занимались прозелитизмом. «Поселившись целыми большими поселками, живя привольно и свободно, они открыто и умело повели свою пропаганду среди пришлого православного населения», – сообщали миссионеры (*ТЕВ, 1913: 441*). Влиянию штундо-баптистской пропаганды подвержены были главным образом переселенцы, особенно малороссы (*ОЕВ, 1910а: 13*). К примеру, в Акмолинской области заражены были сектантской пропагандой Омский и Петропавловский уезды, где больше всего обосновалось сектантов разных направлений (*Обзор Акмолинской области, 1917: 73*). Исследователи отмечали, что сектанты заметно превосходили господствующую веру на поприще прозелитизма, причем объектом их внимания были даже не мусульмане края, а православное население (*Волков, 2016: 12*).

С выходом Указа «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. проблема религиозного прозелитизма на окраинах империи стала еще актуальнее. Указ практически уравнивал конфессии в их правах, способствовал оживлению сектантского движения. «Неверие, иноверие, инославие и сектантство после объявления религиозной свободы настолько высоко подняли свои головы и так яростно ополчились на православную церковь..., что молчать не следует», – призывали православные миссионеры (*ТЕВ, 1908: 759*). Особой активностью пропаганды своего вероучения отличались баптисты и молокане. В отличие от них, меннониты «пропаганды среди православных не вели и призывных собраний не устраивали».

Штундо-баптисты применяли разные способы сектантской пропаганды. Их миссионеры по 2-3 раза объезжали зимой все поселки, где надеялись найти последователей, временно поселялись там. Во многих селениях баптисты построили молитвенные дома без разрешения местной администрации, вели агитацию, щедро раздавая брошюры с кратким изложением своего учения.

Катехизисы раздавали даже в церковно-приходских школах. Игнорируя постановление властей, штундо-баптисты устраивали собрания в местах массового проживания православного населения. В Омске и Петропавловске о торжественном собрании извещали население афишами и печатными приглашениями. О таких собраниях баптистов генерал-губернатору Степного края Н.Н. Сухотину сообщал в июле 1901 г. епископ Омский и Семипалатинский: «Особенно внимательное и ласковое отношение к православным посетителям собраний со стороны сектантов, чтение Св. писания на русском языке с кривотолкованиями в духе сектантства, «молитвы от сердца», сопровождаемые слезами, иногда даже истерическими рыданиями, умиляют сердца посетителей собраний и располагают в пользу сектантства» (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 957. Л. 2). Если проповедь и различного рода демонстрации не производили должного впечатления, штундо-баптисты прибегали к подкупу, обещая материальную выгоду. Крестившимся сектанты давали больше ста рублей, на что соблазнялись бедные крестьяне (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2287. Л. 28). Баптисты устраивали детские молитвенные собрания, учили детей говорить проповеди и читать Библию.

Активность сектантского прозелитизма была высокой в регионах, где имелись железнодорожные линии и почтовые тракты. По сведениям миссионеров, сектантским брожением поражены были почти все железнодорожные центры (ТЕВ, 1909b: 530). В феврале 1901 г. пресвитер А.Л. Евстратенко с хором из 16 штундистов разъезжал по берегу р. Иртыш и по железной дороге в пределах Омской, Черлаковской и Николаевской станиц, проводил молитвенные собрания, на которых пел хор и читались проповеди (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 957. Л. 3). В г. Чимкенте и на станциях Чимкентского уезда вели пропаганду своего вероучения не только баптисты, но и молокане разных толков, предлагая дешевую сектантскую литературу пассажирам (ТЕВ, 1913: 44). Молокане держали почтовый тракт от ст. Кабул-Сай до г. Аулие-Ата; старосты и ямщики на станциях – сплошь молокане (Алпыспаева и др., 2021: 60).

Эффективным средством сектантского прозелитизма была пропаганда своих религиозных воззрений путем издания печатных листов и брошюр. Штундо-баптисты и адвентисты имели печатные издания, и «сотни книгонош-сектантов ходили по деревням, продавая дешево печатную литературу» (ТЕВ, 1909c: 554). Печатное дело было так хорошо поставлено, что даже заявления православных о желании перейти в баптизм подавались на заготовленных печатных бланках, присылаемых из Санкт-Петербурга (ОЕВ, 1910: 9).

В своих наблюдениях миссионеры отмечали, что, получив вероисповедную свободу, штундо-баптисты в качестве особого вида пропаганды стали широко применять открытое глумление над святыми иконами, крестом и другими предметами религиозного почитания. В с. Михайловское Каинского уезда «предлагали православным выколоть глаза у иконы Св. Николая и на опыте убедиться, что иконы – богомерзкие идолы» (ОЕВ, 1910: 7). В деревне Оболаки сектанты на глазах православных крестьян брали иконы и топили ими печи, привязывали крест к хвосту лошади и кричали: «Если это настоящие боги, пусть сотворят чудо» (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2287. Л. 29-30). Глумления над иконами и крестами оставались безнаказанными, что особенно смущало православных, а баптисты это истолковывали в свою пользу. Под воздействие агрессивной пропаганды православные целыми дворами уходили в штундо-баптизм. Епархиальный миссионер так описывает ситуацию в Марьинском хуторе: «...Баптизм проглотил хутор. Действительно, от чисто православного хутора осталось 3–4 семейства крепких православных» (Алпыспаева и др., 2021: 60).

Рост сектантского прозелитизма происходил на фоне ослабления православной религиозности среди переселенцев, и это не могло не вызывать обеспокоенность духовенства. В Постановлении I-го Туркестанского епархиального съезда главной причиной развития сектантства в православных приходах епархии назван «упадок веры и нравственности среди православного населения» (ТЕВ, 1909b: 124). О том, что в среде переселенцев «религиозный индифферентизм развивался с невероятной быстротой», сообщали духовному начальству священнослужители (Алпыспаева и др., 2021a: 22). Они приводили факты падения религиозной нравственности в переселенческих селах. Под влиянием сектантской пропаганды «на одном хуторе кощунственно выброшены св. иконы; в другом – сектанты на беседах дерзновенно хулили святейшие имена Спасителя, св. Девы Марии и многих угодников Божьих» (Алпыспаева и др., 2021: 61).

Снижение православной религиозности и духовенство, и светские власти объясняли ничтожным количеством церквей в крае. Чиновники отмечали, что особенно большой процент «уклоняющихся из православия в баптизм» замечается в тех переселенческих поселках, где нет священников и молитвенных домов (Обзор Акмолинской области, 1917: 74). «Многие переселенцы всем довольны, и землею, и урожаями, всеми угодами. Но бросают все и уходят обратно на родину только потому, что тоскуют без храмов и Божьей службы», – говорили священнослужители (ОЕВ, 1911: 34). В создавшейся ситуации власти большое значение придавали церковно-приходскому строительству в переселенческих поселках.

Расходы на церковное строительство в Сибири и Туркестане возрастали из года в год: в 1910 г. они составили около 400 000 руб., в 1911 – 525 000 руб., в 1912 г. – 1 125 000 руб., в 1913 г. – 1 100 000 руб. (Азиатская Россия, 1914: 239). В западных регионах Казахстана, где больше всего поселилось раскольников и старообрядцев, смета расходов на церковно-приходское строительство в Тургайско-

Уральском районе на 1917 г. составляла: в Кустанайском уезде – 14 000 руб. на церкви и 2 000 руб. на молитвенные дома; в Актюбинском уезде 7 000 руб. и 2 000 руб. соответственно (ЦГА РК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 518. Л. 3-4). Из средств Переселенческого управления было выделено на строительство церквей в Акмолинском уезде 5 000 руб., в Уральском – 6 000 руб. (ЦГА РК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 408. Л. 21). Для постройки церквей использовались средства Св. Синода и Переселенческого управления, а также частные благотворительные пожертвования из фонда императора Александра III.

По данным исследователей, с ростом крестьянского переселения Синод разрешил открывать приходы в азиатских епархиях без обязательного требования от прихожан исполнения всех установленных условий, что способствовало росту количества приходов в областях Казахского края. В Семиреченской области с 1907 по 1910 гг. было открыто 52 самостоятельных прихода, всего же с 1907 по 1912 гг. в Туркестанском крае их число возросло с 78 до 161. В 1908 г. в Акмолинской и Семипалатинской областях открылись 92 самостоятельных прихода, а к 1914 г. их число увеличилось до 288 (Лысенко, 2017: 357).

Обустройству религиозного быта переселенцев правительство уделяло много внимания, решая попутно задачи по закреплению переселенцев. А.А. Кауфман писал: «Потребность переселенцев в школах и, особенно, в церквях – это ...одна из наиболее насущных потребностей, и своевременное удовлетворение ее является одним из существеннейших условий упрочения переселенцев на новых местах» (Кауфман, 1905: 111). Правительство было заинтересовано в снижении числа «обратных переселенцев», крестьян, возвращавшихся из мест переселения, не прожив там и года. Среди причин «обратного переселения», на которые указывали крестьяне, кроме типичных «непривычный климат» и «случайные причины», они нередко называли «бытовую и религиозную рознь» (Кауфман, 1905: 249).

Проблема сектантского прозелитизма в ряде областей Степного края была настолько остра, что для ее решения требовалось объединение усилий светских и духовных властей. Вопросы борьбы с сектантством обсуждались на межведомственном совещании генерал-губернатора Степного края Шмита в апреле 1910 года. В рапорте акмолинского губернатора о состоянии сектантства в Степном крае, подготовленном на основе данных омских епархиальных миссионеров, говорилось, что «баптистская секция насчитывает тысячи последователей в пределах Акмолинской области, число adeptов ежегодно возрастает с громадной прогрессией» (ОЕВ, 1910: 9). Среди причин быстрого распространения сектантства в первую очередь отмечена была хорошо организованная проповедническая деятельность и агрессивная пропаганда их вероучения. Недостаточное количество православных приходов в условиях территориальной разбросанности края, отсутствие храмов и школ способствовали тому, что духовный голод переселенцев удовлетворялся лжеучением сектантов. Кроме того, создаваемые переселенческие поселки с православным населением зачастую оказывались зажатými среди сектантских участков тесным кольцом.

Именно поэтому светские власти в качестве действенной меры по ограждению православных от сектантов считали запрет совместного заселения переселенческих участков крестьянами и сектантами с целью их территориального обособления. С таким предложением к министру МВД И.Г. Щегловитову обратился генерал-губернатор Степного края Е.О. Шмит. В пределах своих областей он распорядился об отводе в будущем сектантам отдельных районов Каркаралинского уезда Семипалатинской области. Генерал-губернатор считал возможным даже «принимать меры к принудительному их переводворению, хотя бы с выдачею им вторичных ссуд на переезд и устройство на новых местах» (РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 1655. Л. 6-7). Предложение было поддержано МВД и перенаправлено Главному управлению землеустройства и земледелия. Министр считал предлагаемые губернатором меры об отводе в перспективе сектантам отдельных районов вполне законными и целесообразными. Однако принудительное переводворение сектантов, уже устроившихся на казенных либо купленных или арендованных у частных лиц землях, считал недопустимым, поскольку в Законе 1889 г. «О переселении сельских обывателей на казенные земли» отсутствовали указания о запрещении устройства в Степном крае сектантов.

Церковные деятели и миссионеры были единодушны во мнении, что распространение сектантства на новые земли вредило позициям официального православия, поскольку бороться с их воинствующим прозелитизмом было не просто. Если Церковь накопила определенный опыт противодействия исламу, то в отношении сектантов все было сложнее. Туркестанский епархиальный миссионер в отчете за 1911 г. писал о том, что «о противосектантской миссии не было никаких понятий даже для духовенства, хотя сектанты много уже лет прочно осели на местах постоянного жительства» (ТЕВ, 1913а: 441). Рост числа «уклоняющихся из православия в баптизм» он объяснял недостатком священников и неготовностью их к делу противосектантской миссии.

Для борьбы с сектантством при епархиях назначались миссионеры. В Омской епархии противосектантская миссия была учреждена в 1900 г., противораскольничья – в 1903 г. В Оренбургской епархии в 1908 г. была введена должность епархиального антисектантского миссионера. При епархии состояло два миссионера: первый – координировал борьбу со старообрядчеством, второй – с сектантством. 24 июня 1909 г. должность антираскольничьего и антисектантского миссионера была учреждена в Туркестанской епархии (Лысенко, 2010: 140).

К личности антисектантского миссионера предъявляли серьезные требования; для публичной беседы с сектантами и раскольниками необходимы были знания, опыт и дар слова, а потому не всякий священник способен был с пользой для дела вести публичные полемические беседы. Неподготовленность приходских священников к борьбе с сектантской пропагандой, отсутствие противосектантской литературы были настоящей проблемой (ТЕВ, 1909а: 260). Подготовка духовенства для приходов переселенческих селений, грамотных миссионеров была важной конфессиональной составляющей переселенческой политики: от нее зависело не только сохранение в Церкви преемственности духовного опыта, но и эффективность противодействия сектантству.

Характеризуя миссионерскую деятельность православной церкви в начале XX в. в областях, чиновники в обзорах отмечали, что она направлена главным образом против сектантов (Обзор Акмолинской области, 1917: 73). Священнослужители использовали разные меры «для вразумления заблудших и укрепления в истинах православной веры». Причты церковью устраивали общенародные песнопения, священники проводили многочасовые беседы. Для большего подъема религиозных чувств устраивались крестные ходы по селам. Миссионеры Омского епархиального братства распространяли книги религиозно-нравственного, патриотического и противополициального содержания, библии, иконы и предметы церковной утвари, а по воскресным дням в Братском храме вели беседы противосектантского характера. При Омском епархиальном братстве в 1914 г. было создано общество трезвости для борьбы с пьянством в переселенческих селах. В 1915 году в нем состояло более 500 чел. (Обзор Акмолинской области, 1917: 74). Борьбе с пьянством уделяли серьезное внимание. Священник М. Колобов на совещании Православного миссионерского общества в декабре 1908 г. отмечал, что вопрос падения православной религиозности «может быть успешно решен лишь при условии повышения нравственного и культурного уровня переселенческого христианского населения, отличавшегося низким уровнем грамотности и погрязшего в разгуле и пьянстве» (ТЕВ, 1909: 38).

Миссионеры размещали на страницах епархиальных изданий публицистические статьи, разоблачающие антихристианскую сущность баптизма (ОЕВ, 1913: 23-30). Духовные деятели печатали инструкции и давали советы вести борьбу с сектантской пропагандой «теми же мерами, и на эту борьбу скупиться в средствах не следует» (ТЕВ, 1909а: 260). Не имея достаточно средств и опыта борьбы с сектантством, православные миссионеры брали на вооружение приемы баптистских проповедников. Баптисты в проповедях избегали насмешек и оскорблений чувств верующих, «скорее проповедовали Христа, нежели избличали язычество» (Алпыспаева и др., 2021: 61). Следуя их примеру, служители православной веры старались разъяснять учение православной веры и заблуждения сектантов не только в приходах, но и в частной домашней беседе.

5. Заключение

Оживление сектантского движения и рост религиозного прозелитизма сектантов в начале XX в. вызывали обеспокоенность Православной церкви, опасавшейся, что в условиях новой социокультурной среды переселенцы могут легко поддаться чуждому влиянию и переходить в иные вероисповедания. В борьбе с сектантством Православная церковь применяла разные методы противодействия: от повседневных сельских религиозных практик до активной миссионерской деятельности. Создание церковно-приходской системы в районах переселения крестьян, территориальное обособление православных переселенцев и сектантов рассматривались светскими региональными властями как меры борьбы с сектантством и обеспечения устойчивости православия. Важным условием успешного противостояния сектантскому прозелитизму могло быть объединение усилий духовных и светских властей. Но, несмотря на принимаемые энергичные меры тех и других, сектантство распространялось практически во всех областях края. В немалой степени этому способствовала неустроенность духовной жизни переселенцев, оказавшихся в чуждой для них социокультурной среде. Малочисленность противосектантских миссий в условиях территориальной разбросанности Казахского края, отсутствие средств и опыта ведения антисектантской пропаганды священнослужителями осложняли борьбу с сектантским прозелитизмом.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета науки МОН РК, проект «Государственно-конфессиональные отношения в Казахстане: начало XX в. – конец 1930-х гг.» (ИРН проекта: АР0885487).

The research was carried out within the framework of the grant funding project of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (IRN of the project: АР0885487).

Литература

Азиатская Россия, 1914 – Азиатская Россия. Т. 1. Люди и порядки за Уралом. СПб.: Издание переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия, 1914. 576 с.

Алпыспаева и др., 2021 – Алпыспаева Г.А., Саяхимова Ш.Н., Жуман Г. Указ от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» и деятельность противосектантской миссии Туркестанской епархии // *Империи в мировой истории: актуальные проблемы современных исследований / Сборник науч. трудов межд. научно-практич. конференции*. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2021. С. 59-62.

Алпыспаева и др., 2021a – Алпыспаева Г.А., Жуман Г., Джумалиева Л.Т., Саяхимова Ш.Н. Указ от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» и христианский прозелитизм в Казахстане в начале XX века // *Вестник Карагандинского университета. Серия «История. Философия»*. 2021. 4 (104). С. 14-27.

Белоусов, 2021 – Белоусов С.С. Конфессиональный аспект в переселенческой политике на калмыцких землях (вторая пол. XIX в.) // *Вестник ПСТГУ. Серия II «История. История Русской Православной Церкви»*. 2021. Вып. 99. С. 50-62.

Волков, 2016 – Волков И.В. Система этноконфессиональных отношений в Русском Туркестане как основа межцивилизационного сотрудничества в Средней Азии // *Исламоведение*. 2016. № 2. С. 5-15.

Воцинин, 1914 – Воцинин В. Очерки нового Туркестана. Свет и тени русской колонизации. СПб.: Типография товарищества «Наш век», 1914. 86 с.

Кауфман, 1905 – Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1905. 349 с.

Кауфман, 1906 – Кауфман А.А. Переселение. Мечты и действительность М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1906. 37 с.

Лысенко, 2010 – Лысенко Ю.А. Взаимоотношения Русской православной церкви со старообрядчеством и сектантством в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX вв.) // *Известия АлтГУ*. 2010. № 4–3. С. 138-145.

Лысенко, 2017 – Лысенко Ю.А. Этапы и особенности институционального развития Русской Православной Церкви в религиозном пространстве Степного края. XVIII – начало XX вв. // *Мир Большого Алтая*. 2017. № 3 (3). С. 350-362.

Стурова, 2014 – Стурова М.В. Конфессиональная доминанта в интеграции славянского населения: церковно-школьное строительство в Степном крае (80-е гг. XIX – начало XX в.) // *Известия АлтГУ*. 2014. № 4 (84). С. 212-216.

Обзор Акмолинской..., 1917 – Обзор Акмолинской области за 1915 год. Издание Акмолинского областного статистического комитета. Омск: Электротип. Акмол. обл. правления. 1917. 87 с.

Обзор Семипалатинской..., 1912 – Обзор Семипалатинской области за 1910 г. Семипалатинск: Тип. Областного правления. 1912. 111 с.

Обзор Семипалатинской..., 1913 – Обзор Семипалатинской области за 1911 г. Семипалатинск: Тип. Областного правления. 1913. 110 с.

Обзор Сыр-Дарьинской..., 1987 – Обзор Сыр-Дарьинской области за 1886 год. Ташкент: Типолитография С.И. Лахтина. 1887. 171 с.

Обзор Сыр-Дарьинской..., 1916 – Обзор Сыр-Дарьинской области за 1913 год. Ташкент: Тип. Канцеляр. Туркестанского Генерал-губернатора, 1916. 162 с.

Обзор Тургайской..., 1916 – Обзор Тургайской области за 1915 год. Оренбург: Тип. Б. Бреслина. 1916. 175 с.

Обзор Уральской..., 1916 – Обзор Уральской области за 1915 год. Уральск, 1916. IV. 138 с.

ОЕВ, 1910 – Омские Епархиальные Ведомости (ОЕВ). 1910. № 12. 15 июня.

ОЕВ, 1910a – ОЕВ. 1910a. № 9. 1 мая.

ОЕВ, 1911 – ОЕВ. 1911. № 10. 15 мая.

ОЕВ, 1913 – ОЕВ. 1913. № 15. 1 августа.

РГИА – Российский Государственный исторический архив.

ТЕВ, 1908 – *Туркестанские епархиальные ведомости (ТЕВ)*. 1908. № 24. 15 декабря.

ТЕВ, 1909 – ТЕВ. 1909. № 2. 15 января.

ТЕВ, 1909a – ТЕВ. 1909a. № 4. 15 февраля.

ТЕВ, 1909b – ТЕВ. 1909b. № 21. 1 ноября.

ТЕВ, 1909c – ТЕВ. 1909в. № 22. 15 ноября.

ТЕВ, 1913 – ТЕВ. 1913. № 6. 15 марта.

ТЕВ, 1913a – ТЕВ. 1913a. № 19. 1 октября.

ЦГА – Центральный Государственный архив Республики Казахстан.

Lebid, Shevchenko, 2021 – Lebid A.E., Shevchenko N.A. Review of Pre-Revolutionary Historiography of Schismatics, Heresies and Sectarianism in the Russian Empire // *Bylye Gody*. 16(3): 1211-1224.

References

Aziatskaya Rossiya, 1914 – *Aziatskaya Rossiya*. Т. 1. Lyudi i poryadki za Uralom [Asian Russia. V. 1. People and orders beyond the Urals]. Sankt-Peterburg: izdanie pereselencheskogo upravleniya Glavnogo upravleniya zemleustroistva i zemledeliya. 1914. 576 p. [in Russian]

- Alpyspaeva i dr., 2021** – *Alpyspaeva, G.A., Sayakhimova, Sh.N., Zhuman, G.* (2021). Ukaz ot 17 aprelya 1905 g. «Ob ukreplenii nachal veroterpimosti» i deyatel'nost' protivosektantskoi missii Turkestanskoi eparkhii [Decree of April 17, 1905 "On strengthening the beginnings of religious tolerance" and the activities of the anti-sectarian mission of the Turkestan eparchy]. *Imperii v mirovoi istorii: aktual'nye problemy sovremennykh issledovaniy: sbornik nauch. trudov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Sterlitamak: Sterlitamakskii filial BashGU, pp. 59-62. [in Russian]
- Alpyspaeva i dr., 2021a** – *Alpyspaeva, G.A., Zhuman, G., Jumaliyeva, L.T. Sayahimova, Sh.N.* (2021) Ukaz ot 17 aprelya 1905 g. «Ob ukreplenii nachal veroterpimosti» i khristianskii prozelitizm v Kazakhstane v nachale XX veka [Decree of April 17, 1905 "On strengthening the principles of religious tolerance" and Christian proselytism in Kazakhstan at the beginning of the twentieth century]. *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya «Istoriya. Filosofiya»*. 4(104): 14-27. [in Russian]
- Belousov, 2021** – *Belousov, S.S.* (2021). Konfessional'nyi aspekt v pereselencheskoi politike na kalmytskikh zemlyakh (vtoraya polovina XIX v.) [Confessional aspect in the migration policy in the kalmyk lands in the second half of the 19th century]. *Vestnik PSTGU. Seriya II «Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi»*. 99: 50-62. [in Russian]
- Kaufman, 1905** – *Kaufman, A.A.* (1905). Pereselenie i kolonizatsiya [Resettlement and colonization]. Sankt-Peterburg: Tipografiya Tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 349 p. [in Russian]
- Kaufman, 1906** – *Kaufman, A.A.* (1906) Pereselenie. Mechty i deistvitel'nost' [Resettlement. Dreams and reality]. Moscow: Tip. G. Lissnera i D. Sobko. 37 p. [in Russian]
- Lebid, Shevchenko, 2021** – *Lebid, A.E., Shevchenko, N.A.* (2021). Review of Pre-Revolutionary Historiography of Schismatics, Heresies and Sectarianism in the Russian Empire. *Bylye Gody*. 16(3): 1211-1224.
- Lysenko, 2010** – *Lysenko, Yu.A.* (2010). Vzaimootnosheniya Russkoi pravoslavnoi tserkvi so staroobryadchestvom i sektantstvom v Kazakhstane (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [Relations between the Russian orthodox church and schism and sectarianism in Kazakhstan (the second half of the XIXth – the beginning of the XXth centuries)]. *Mir Bol'shogo Altaya*. 4-3: 138-145. [in Russian]
- Lysenko, 2017** – *Lysenko, Yu.A.* (2017). Etapy i osobennosti institutsional'nogo razvitiya Russkoi pravoslavnoi tserkvi v religioznom prostranstve Stepnogo kraja. XVIII - nachalo XX vv. [Institutional development of Russian Orthodox Church in religious space of Steppes (XVIII – the beginning of the 20th centuries)]. *Izvestiya AltGU*. 3(3): 350-362. [in Russian]
- Obzor..., 1917** – *Obzor Akmolinskoi oblasti za 1915 god* [Overview of the Akmolinsk region for 1915]. Izdanie Akmolinskogo oblastnogo statisticheskogo komiteta. Omsk: Elektro-tip. Akml. Obl. Pravleniya, 1917. 87 p. [in Russian]
- Obzor..., 1912** – *Obzor Semipalatinskoi oblasti za 1910 g.* [Overview of the Semipalatinsk region for 1910]. Semipalatinsk: tip. Oblastnogo pravleniya, 1912. 125 p. [in Russian]
- Obzor..., 1913** – *Obzor Semipalatinskoi oblasti za 1911 g.* [Overview of the Semipalatinsk region for 1911]. Semipalatinsk: tip. Oblastnogo pravleniya, 1913. 139 p. [in Russian]
- Obzor..., 1887** – *Obzor Syr-Dar'inskoi oblasti za 1886 g. (1887)* [Overview of the Syr-Dar'ya region for 1886]. Tashkent: tip. S.I. Lakhtina, 1887. 171 p. [in Russian]
- Obzor..., 1916** – *Obzor Syr-Dar'inskoi oblasti za 1913 g.* [Overview of the Syr-Dar'ya region for 1913]. Tashkent: tip. Kantselyarii Turkestanskogo General-gubernatora, 1916. 173 p. [in Russian]
- Obzor..., 1916** – *Obzor Turgaiskoi oblasti za 1915 g.* [Overview of the Turgai region for 1915]. Orenburg, 1916. 175 p. [in Russian]
- Obzor..., 1915** – *Obzor Ural'skoi oblasti za 1914 g. (1915)* [Overview of the Ural'sk region for 1914]. Ural'sk, 119 p. [in Russian]
- OEV, 1910** – *Omskie eparkhial'nye vedomosti*. 1910. 12, June 15. [in Russian]
- OEV, 1910a** – *Omskie eparkhial'nye vedomosti*. 1910. 9, May 1. [in Russian]
- OEV, 1913** – *Omskie eparkhial'nye vedomosti*. 1911. 10, May 15. [in Russian]
- OEV, 1913** – *Omskie eparkhial'nye vedomosti*. 1913. 15, August 1. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- Sturova, 2014** – *Sturova, M.V.* (2014). Konfessional'naya dominanta v integratsii slavyanskogo naseleniya: tserkovno-shkol'noe stroitel'stvo v Stepnom krae (80-e gg. XIX – nachalo XX vv.) [Confessional dominant in the integration of the slavic population: church-school building in the Steppe region (80-ies of the XIX – beginning of the XX centuries)]. *Izvestiya AltGU*. 4(84): 212-216. [in Russian]
- TGA RK** – Tsentral'nyi Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archives of the Republic of Kazakhstan].
- TEV, 1908** – *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti (TEB)*. 1908. 24, December 15. [in Russian]
- TEV, 1909** – *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 1909. 2, January 15. [in Russian]
- TEV, 1909a** – *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 1909. 4, February 15. [in Russian]
- TEV, 1909b** – *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 1909. 21, November 1. [in Russian]
- TEV, 1909c** – *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 1909. 22, November 15. [in Russian]
- TEV, 1913** – *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 1913. 6, March 15. [in Russian]
- TEV, 1913a** – *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 1913. 19, October 1. [in Russian]

Volkov, 2017 – Volkov, I.V. (2017). Sistema etnokonfessional'nykh otnosheniy v Russkom Turkestane kak osnova mezhsivilizatsionnogo sotrudnichestva v Sredney Azii [The system of ethno-confessional relations in Russian Turkestan as the basis of inter-civilizational cooperation in Central Asia]. *Islamovedenie*. 1 (295): 48-63. [in Russian]

Voshchinin, 1914 – Voshchinin, V. (1914). Ocherki novogo Turkestana. Svet i teni russkoi kolonizatsii [Essays on the new Turkestan. Light and shadows of Russian colonization]. Sankt-Peterburg: tipografiya t-va «Nash vek», 86 p. [in Russian]

Конфессиональное измерение переселенческой политики самодержавия в Казахском крае в начале XX века: борьба с сектантским прозелитизмом

Галья Айтпаевна Алпыспаева ^{a, *}, Гульмира Сейтбековна Саметова ^b,
Ляззат Торебековна Джумалиева ^a

^a Казахский агротехнический университет им. Сакена Сейфуллина, Нур-Султан, Республика Казахстан

^b Кустанайский региональный университет им. А. Байтурсынова, Кустанай, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается малоизученный конфессиональный аспект переселенческой политики самодержавия в Казахском крае в начале XX века – борьба с сектантским прозелитизмом. Авторы используют материалы из фондов РГИА и Центрального государственного архива РК, обзоров областей Казахского края, периодических изданий Омского и Туркестанского епархиальных комитетов, в юрисдикции которых находились регионы в пределах территории современного Казахстана. По результатам исследования удалось установить, что сформировавшийся вследствие крестьянского переселения поликонфессиональный состав населения края включал различные этнические группы, обособленные по религиозным признакам. Межэтнические контакты не ограничивались процессами хозяйственного взаимодействия, а нередко приобретали формы религиозной аккультурации. С выходом Указа от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» религиозное движение в крае оживилось, наблюдался рост сектантского прозелитизма на фоне ослабления православной религиозности переселенцев. В сложившейся ситуации духовенство опасалось переходов православных в иные вероисповедания, падения авторитета Русской православной церкви и самодержавия. Объединение усилий духовных и светских властей было важным условием противостояния сектантам, нередко применявшим агрессивные формы пропаганды своего вероучения. При поддержке светской администрации церковь использовала разные методы противодействия сектантскому прозелитизму, в том числе заимствованные у сектантов. Они не всегда были эффективны по причине малочисленности противосектантских миссионеров в крае и отсутствия у священнослужителей опыта ведения антисектантской пропаганды.

Ключевые слова: конфессии, сектанты, прозелитизм, духовенство, вероисповедный состав, противосектантская миссия, Русская православная церковь.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: galpyspaeva@mail.ru (Г.А. Алпыспаева),
sametova_gulmira@mail.ru (Г.С. Саметова), lazzat-69@mail.ru (Л.Т. Джумалиева)